

Кантерев Н. Ф. [Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович:] Пренія на соборе 1667 года между русскими и греческими иерархами о власти царской и решение этого вопроса // Богословский вестник 1910. Т. 2. № 7/8. С. 384–414 (4-я пагин.). (Продолжение.)

Пренія на соборѣ 1667 года между русскими и греческими іерархами о власти царской и патриаршей и рѣшеніе этого вопроса.

Существованіе у насъ такъ называемыхъ „свободныхъ архіереевъ“. Свободный архіерей—новгородскій митрополитъ Кипріяцъ, какъ предшественникъ Никона и послѣдующихъ свободныхъ архіереевъ. Обращеніе московскаго правительства къ восточнымъ патриархамъ съ просьбою разрѣшить вопросъ о власти царской и патриаршей Рѣшеніе этого вопроса четырьмя восточными патриархами и неудовольствіе русскихъ архіереевъ на это рѣшеніе. На соборѣ 1667 года русскіе архіереи снова возбуждаютъ вопросъ объ отношеніи власти свѣтской и духовной. Соборныя пренія по этому вопросу между русскими и греческими архіереями. Соборное рѣшеніе вопроса.

Повидимому, приписывать возрѣніямъ Никона на отношеніе царства къ священству особенно важное значеніе не слѣдуетъ, такъ какъ онѣ не имѣли у насъ подѣ собою никакой твердой, исторически образовавшейся, почвы, и потому самому не могли имѣть никакого практическаго значенія. Казалось, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ указанныя возрѣнія Никона не только не могли встрѣтить себѣ ни откуда сочувствія и поддержки, а ваоборотъ—должны были вызвать къ себѣ у всѣхъ прямо отрицательныя и даже враждебныя отношенія, такъ какъ слишкомъ уже расходились съ обычными у насъ исторически сложившимися и всѣми, казалось, раздѣляемыми возрѣніями на отношеніе царя къ церкви и всѣмъ церковнымъ дѣламъ, возрѣніями, совершенно противоположными тѣмъ, какія высказывалъ Никонъ. Но дѣйствительность показала иное. У Никона нашлись сторонники и послѣдователи, которые вполнѣ раздѣляли его возрѣнія на отношеніе священства къ царству, которые пытались отстоять ихъ, какъ вполнѣ правыя, и

перенесли этотъ вопросъ на соборное обсужденіе. Кто были эти неожиданные сторонники и приверженцы взглядовъ Никона на свѣтскую и духовную власть, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, какъ они повели свое дѣло, сейчасъ увидимъ.

Поддьякъ Федоръ Трофимовъ подалъ „Роспись вкратцѣ, чѣмъ Никонъ патріархъ съ товарищи на царскую державу возгордились и его царскій чинъ и власть и обдержаніе себѣ похищаютъ“, и въ этой росписи прямо указываетъ, что именно были сторонники Никона, раздѣлявшіе его взглядъ, что священство выше царства.

Прежде всего Трофимовъ пишетъ про самага Никона: „римскій убо папа, егда умысли царскую власть себѣ похитити, прежь сего митру на себя возложи и панагію другую наложи, и видѣ умыслъ не обличенъ, и въ томъ пребысть немалое время; и посемъ умысли съ совѣтники своими, и кесаря Генриха подаяніемъ сокромента уморилъ, и тако все царское обдержаніе на себя восхити. Въ сіе убо Никонъ, яко волкъ во овчюю кожу, облеченъ, митру на главѣ нося и панагію другую на себя налагая, и совѣтникомъ своимъ повелѣвая такожь: се убо меньшее похищеніе царскаго чина и власти. А еже обѣма рукама благословляти, то являетъ всеобдержаніе людское. Онъ же, Никонъ, дмяся своею гордостію, поставилъ Крестовую церковь выше соборныя церкви; тутъ же сдѣлалъ себѣ свѣтлицы и чердаки: и то явное его на царскую державу возгорженіе. Еще къ тому себѣ сдѣлалъ колесницы повалены и позлащены: а того у прежнихъ святыхъ пастырей не бывало. Святый Кирилль глаголетъ: аще кто здѣ паче всѣхъ на земли возносится, блюдися его, сей бо есть духъ антихристовъ“.

Дѣйствительно, Никонъ даже по внѣшней обстановкѣ старался по возможности приближаться къ великому государю. Онъ построилъ себѣ въ Кремлѣ новыя патріаршія хоромы, по тому времени очень роскошныя, съ разными переходами и вышками, держалъ богатыя кареты для выѣздовъ, во время которыхъ его окружала толпа его дворовыхъ, служилыхъ людей. Его патріаршія церковныя облаченія, сдѣланныя по греческому образцу, были очень многочисленны и необыкновенно богаты и роскошны, его митра, называемая короною, въ которой онъ нерѣдко служилъ, была сдѣлана по образцу царской короны, подъ ноги ему подстился коверъ съ

вышитымъ на немъ двоеглавымъ орломъ, при всѣхъ выходахъ и въ самомъ служеніи его, какъ и государя, поддерживали подъ руки, на себя онъ возлагалъ вмѣсто одной двѣ панагіи и т. под. Даже по оставленіи Никономъ патріаршей кафедры, проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ, онъ однако не оставилъ нѣкоторыхъ замашекъ походить во внѣшней обстановкѣ на великаго государя. 23 іюля 1663 года посланные къ Никону въ Воскресенскій монастырь говорили ему, по приказу государя, что находящіяся въ его монастырѣ стрѣльцы будутъ замѣнены другими, „потому что посланы они были въ тотъ Воскресенскій монастырь для всякаго обереганья, и они, будучи въ томъ монастырѣ, плутали, предъ нимъ, бывшимъ п-хомъ, ходили съ батожками, противъ того жъ, какъ бываетъ чинъ предъ великимъ государемъ, предъ его царскимъ величествомъ; и имъ было ходити такъ, а ему, бывшему патріарху, заставлятъ ихъ предъ собою ходитъ съ батожками, не довелось. И великій государь, вѣдая про то, къ нему, бывшему патріарху Никону, выговаривать о томъ не посылалъ“. Къ этому посланные государя добавили, что онъ, Никонъ, „вмѣсто благословенія велитъ себя въ руки цѣловать, и то онъ дѣлалъ не по правиламъ св. отцевъ“ (т. е. Никонъ устраивалъ такое же цѣлованіе своей руки, какое обычно бывало на царскихъ приемахъ). На эти обвиненія Никонъ отвѣчалъ: „онъ стрѣльцомъ съ батожками ходить предъ собою не заставлялъ, а ходили они предъ нимъ собою, почитая его архіерейство; а къ рукъ велѣлъ онъ ходить для того, что то ихъ архіерейское давнее и правиламъ св. отецъ въ томъ противности никакіе нѣтъ“. На соборѣ 1666 года, во время суда надъ Никономъ, восточные патріархи спрашивали Никона: „для чего онъ клобукъ черной съ херувимомъ носить и двѣ панагѣи? И Никонъ патріархъ говорилъ: черные клобуки носятъ греческіе патріархи, онъ де отъ нихъ то взялъ, а херувимъ де на клобукъ для того носить: у московскихъ де патріарховъ на бѣлыхъ клобукахъ херувимы и онъ де для того носить; а панагѣи двѣ для того носить: съ одною де панагѣею съ патріаршества отшелъ, а другая де, крестъ, въ помощь себѣ носить“ ¹⁾.

¹⁾ Гиб. II, 623, 626, 1075

Епархіальные владыки, съ своей стороны, подражали патріархамъ и тоже старались, по самой внѣшней своей обстановкѣ, выдвинуться изъ ряда мѣстныхъ государственныхъ сановниковъ и стать выше ихъ, усиливались придать по возможности всему управленію епархіею независимый отъ свѣтской власти церковно-автономный характеръ. Поддьякъ Ѳедоръ Трофимовъ, въ своей „росписи вкратцѣ, чѣмъ Никонъ патріархъ съ товарищи на царскую державу возгордились и его царскій чинъ и власть и обдержаніе себѣ похищаютъ“, пишетъ: „патріархъ Никонъ и власти пишутся и называются великими государями и свободными архіереями: мы де суду царскому не подлежимъ, судить де намъ отецъ нашъ патріархъ. Они-жъ во своихъ паствахъ поставляютъ архимандритовъ и игуменовъ и протопоповъ самовольствомъ, кто имъ годенъ, безъ указу великаго государя; потому они называются свободными; а что они царскому суду не подлежатъ, и то есть свобода жь. А что ихъ судити патріарху: подобно сему, еже глаголетъ Господь: аще сатана сатану изгонитъ, на ся раздѣлился есть. Яко же Богъ единъ судитъ всѣмъ. тако и всеобдержай царь; и аще Богъ изволитъ и великій государь тое ихъ гордость сломитъ и подъ свою высокую руку и подъ судъ подклонитъ, то все благочестіе исправится. Они бо, ради свободнаго житія, законы превращаютъ, и уставы преданныя имъ прелагаютъ, и отъ вѣры отступаютъ, а православіе съ еретичествомъ соединяютъ“. Трифоновъ, въ своей „росписи“ указываетъ и на нѣкоторыхъ современныхъ ему епархіальныхъ владыкъ, которые возгордились на царскую державу. Онъ пишетъ: „во 173 (1665) году, по твоему, великаго государя, указу, пріѣхаль, въ Сибирь, въ Тобольскъ, архіепископъ Корнилей, великаго поста въ третью субботу: и во всю святую недѣлю Пасхи, какъ пойдетъ онъ изъ кельи въ церковь, или изъ церкви въ келью, къ вечернѣ и къ заутрени и ко обѣдни, и покамѣстъ онъ идетъ въ церковь, или въ келью, и въ то время звонятъ, а передъ нимъ идутъ со свѣщами съ выходными, съ большими, съ подсвѣчники, а подьяки предъ нимъ идутъ въ стихаряхъ и поютъ органомъ согласіемъ, теререки; а тѣ ихъ теререки допряма вѣдомо, что римскаго костела, ко органомъ приплясныя стихи, или вмѣсто домры и гудковъ на игрыщи; а звоновъ къ выходомъ у прежнихъ пастыревъ не бывало, только звоны бы-

вають царева ради прихода и исхода. И то ихъ на царскую державу гордость... Онъ же, Корнилей, здѣлалъ себѣ корету повапленную, и гдѣ ему ѣхати пять верстѣ, и ради колесницы ѣздить околнею дорогою двадцать верстѣ со многими оруженосцы... Онъ же, Корнилей, на литургіи на переносѣ, какъ принимая святая въ царскихъ дверяхъ, и къ западу зря, поминаетъ государя царя и царицу, и царевичей и царевенъ, а направою сторону обратився глаголетъ: да помянетъ Господь Богъ благородіе ваше, благочестивыхъ князей и бояръ и прочая: и то его мудрованіе царскому благородію пониженіе“. Про другаго современнаго владыку Трифоновъ пишетъ: „и въ нынѣшнемъ во 174-мъ году, октября въ 1 день, по указу великаго государя, волокся я, нищій, къ Москвѣ изъ Сибири, за приставомъ, и въ Казани будучи, по упросу, бродилъ я, нищій, къ митрополиту Лаврентею для милостыни; а въ то время онъ, митрополить, возсѣлъ на колесницу позлащенну, а передъ нимъ сѣлъ невѣдомо какова чина старецъ, и сказали, что онъ поѣхалъ къ празднику служить, и говорятъ тутошніе люди: прежнія де власти къ празднику на колесницѣ не ѣзживали, ходили де со кресты. А какъ онъ съ двора поѣхалъ, и предъ нимъ понесли посохъ со змією двоеглавою, а за нимъ ѣдутъ на конѣхъ многіе люди. А покамѣсть онъ изъ города выѣхалъ, и въ то время въ соборѣ все звали. Комилавка и клубукъ на немъ не по старому, какъ прежніе святители наши вали. Рукою осѣняетъ странно вѣкако: и то есть гордость и отеческому преданію нарушеніе... Онъ же, митрополить, здѣлалъ переходы каменныя черезъ святыя ворота, кругъ колокольни, и довелъ до соборныя церкви къ западнымъ дверямъ: и тѣ его каменныя переходы и свѣтлица съ чердакомъ явная гордость къ царской державѣ и высости, потому что прежніе пастыри переходовъ каменныхъ и деревянныхъ къ соборной церкви не дѣловали“. И еще о двухъ владыкахъ Трофимовъ пишетъ: „октября въ 15 день прибродилъ я, нищій, въ Макарьеву обитель, что на Желтыхъ пескахъ: и въ той обители строятъ двои свѣтлицы брусовыя, одна усовая со многими окошками, одна архіепископу рязанскому Ларіону, а другая сибирскому Симеону: и то явно, яко не смиренія ради Христова они въ монастыри отходятъ. Все то по совѣту отца своего Ни-

кона творять, дабы ихъ съ честію на высшую степень возведуть“¹⁾.

Изъ приведенныхъ сейчасъ заявленій видно, что, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ лицъ, вмѣстѣ съ Никономъ и епархіальные владыки „на царскую державу возгордились“, что эти—„свободные архіереи“ не хотѣли, по примѣру Никона, подчиняться царскому суду, не хотѣли допускать со стороны свѣтской власти вмѣшательства въ церковно епархіальныя дѣла и всячески старались во внѣшней своей обстановкѣ и всѣмъ своимъ поведеніемъ показать свою особую „высость“.

Справедливость требуетъ сказать, что указанное стремленіе епархіальныхъ владыкъ къ „высости“, „къ возгорженію на царскую державу“, и всякому вообще внѣшнему превозношенію, проявлялось у нихъ и ранѣе Никона. Очень характерный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ собою новгородскій митрополитъ Кипріанъ, занимавшій новгородскую кафедру только за шестнадцать лѣтъ до Никона и во многомъ бывшій какъ бы прямымъ предшественникомъ Никона, который только сознательнѣе, шире и всестороннѣе проводилъ въ жизнь то, чему начало полагалъ Кипріанъ. О „неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ“ митрополита новгородскаго Кипріана (1627—1633 г.г.) до насъ дошла довольно обширная современная записка, представляющая изъ себя рядъ донесеній царю Михаилу Теодоровичу о словахъ и дѣйствіяхъ митрополита Кипріана²⁾.

Митрополитъ Кипріанъ, повидимому, признавалъ, подобно Никону, теорію, что священство выше царства, что онъ, митрополитъ, какъ духовный владыка, независимъ отъ государя и неподчиненъ ему наравнѣ съ другими государственными сановниками и что онъ, какъ автономный епархіальный архіерей, не обязанъ во всемъ подчиняться и своему непосредственному начальнику—патріарху, а можетъ, въ нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлахъ и порядкахъ, распоряжаться въ своей епархіи самостоятельно, руководствуясь своимъ личнымъ владычнымъ усмотрѣніемъ. Свои особья

¹⁾ Матер. для ист. раск. IV, 189—297

²⁾ Она напечатана А. Н. Зерцаловымъ въ Чт общ ист и древн. 1896 г. кн. I

воззрѣнія на отношеніе между свѣтскою и духовною властію и на свое отношеніе къ власти патріаршей митрополитъ Кипріанъ выражалъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Изъ Новгорода царю доносили: „ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи въ челобитныхъ митрополитъ о своихъ домовыхъ дѣлахъ, гдѣ ему довелось къ государю въ челобитныхъ самому писаться, и онъ своею гордостію самъ не пишется, а пишетъ съ гордостіи въ челобитныхъ въ свое мѣсто своихъ стряпчихъ, и та его челобитная есть съ выпискою о его митрополичихъ о домовыхъ дѣлахъ; а въ выпискѣ объявилось имянно, что билъ челомъ государю, вмѣсто митрополита, стряпчій его на нагородскіе монастыри и на посадскіе церкви ложно“... Въ 1630 году митрополиту Кипріану прислана была государева грамота, въ которой ему запрещалось архимандритовъ, игумовъ съ братією, монастырскихъ слугъ и крестьянъ „ни въ какихъ управныхъ дѣлахъ вѣдать, и въ степенныя и чудотворныя мѣста игуменовъ и строителей ставить и посылать, и въ управныхъ дѣлахъ приставовъ по нихъ намъ посылать, и судить, и управу чинить“. Митрополитъ сначала было уступилъ царскому указу, но, спустя не многое время, „учалъ митрополитъ приказывать по игуменовъ, и по строителейъ съ братією, и по слугъ, и по крестьянъ по челобитнымъ во всякихъ управныхъ дѣлахъ приставовъ посылать и, ставя ихъ въ приказъ, судить и управу межъ ими по прежнему чинить“. Въ 1632 году отъ государя прислана была грамота къ митрополиту съ извѣщеніемъ, что съ поляками начата война, ради чего митрополиту приказывалось пѣть молебны въ соборной церкви „по вся дни по двѣ статьи въ день, и молить Бога о одолвніи и о побѣдѣ на враги“. Но митрополитъ пѣлъ въ соборѣ молебны „только недѣли съ три или четыре, да и пересталъ, самъ къ молебнамъ не облачается и не поетъ,... государской указъ презрѣлъ“.

Какъ независимо—самоуправно дѣйствовали митрополитъ Кипріанъ, это видно изъ слѣдующаго. По указу государя велѣно было всѣмъ новгородцамъ, съ посадомъ, и уѣзду, со всѣми пятнами, новгородскимъ стрѣльцамъ и казакамъ, выкопать новый большой ровъ на Софійской сторонѣ, при чемъ, при раскладкѣ работы, на дома митрополичихъ крестьянъ

янь приходилось выкопать всего 56 сажень. Всѣ другіе выполнили свои работы еще лѣтомъ, въ хорошую пору, только митрополичьи крестьяне, мѣшая другимъ, затагнули свои работы до осени и заморозковъ, такъ какъ митрополитъ посылалъ на работы менѣе 20 и 15 человѣкъ, когда другіе высылали на работы человѣкъ по 90 и по 100. Когда приставленные наблюдать за работами стрѣлецкіе сотники говорили, чтобы митрополичьи дѣти боярскіе прибавили людей на работу, послѣдніе заносчиво говорили: „намъ де не указывай, *государь де митрополитъ велѣлъ вамъ кости выломать*, будетъ де станете митрополичими людьми нарезать, и намъ указывать“. Или, напримѣръ, велѣно было переписать во всѣхъ слободахъ, также въ митрополичьихъ и монастырскихъ, плотниковъ для государева дѣла, что поручено было сдѣлать дворянину Михаилу Трусову. Когда тотъ хотѣлъ приступить къ выполненію возложенной на него обязанности, „митрополитъ стряпчій Петръ Ауловъ говоритъ Михаилу Трусову: въ государевы де митрополичьи слободы отнюдь не суйся переписывать. А Михаилу Трусовъ ходилъ въ соборную церковь къ митрополиту и государевъ указъ сказывалъ, что ему плотниковъ въ его митрополичьихъ слободахъ и за всякими людьми для государева городского дѣла велѣно переписать. И митрополитъ ему отказалъ: *до моихъ де тебѣ слободъ дѣла нѣтъ, у меня де на дворъ своего дѣла много, и въ свои митрополичьи слободы плотниковъ переписывать не пустилъ, государеву указу сталъ противекъ*“.— Изъ за шведскаго рубежа къ намъ приходили перебежчики и поселялись у насъ на земляхъ разныхъ лицъ, между прочимъ и митрополичьихъ. Шведское правительство жаловалось на это русскому и государь приказалъ переписать всѣхъ перебежчиковъ, чтобы возвратить ихъ, согласно требованію шведскаго правительства, за рубежъ. Но, говорится въ донесеніи царю, „въ митрополичьи вотчины для перебежчиковъ не посылаю ни одного для того, *что митрополитъ государевыхъ указовъ не слушаетъ, и въ свои вотчины ни для какихъ государевыхъ дѣлъ посылать не велитъ*“. Кромѣ того митрополитъ захватывалъ для своихъ крестьянъ дворцовыя пустоши и его крестьяне всячески обижали сосѣднихъ дворцовыхъ крестьянъ, почему въ донесеніи государю писалось: „а прежде сего, государь, у насъ въ твоихъ государевыхъ въ дворцо-

выхъ селехъ митрополиты пустошей не отнимывали и сѣнѣ не кашивали, а митрополити крестьяне тутъ не живали, и дворовъ себѣ не ставили и никакими угодыми не владѣли; а нынѣ, государь, отъ тѣхъ митрополитичихъ крестьянъ твои государевы дворцовые крестьяне, отъ ихъ насильства, бредутъ розно, что угодыя всѣ у насъ отняты“.

Одною изъ самыхъ большихъ и особенно чувствительныхъ неприятностей для нашихъ древне-русскихъ духовныхъ владыкъ было то обстоятельство, что наши государи, по крайней мѣрѣ со времени Стоглаваго собора, назначали ко всѣмъ архіереямъ, не исключая и патріарха, изъ своихъ служилыхъ людей: бояръ, вѣдавшихъ всѣ судебныя епархіальныя дѣла, кромѣ чисто духовныхъ, дворецкихъ, завѣдывавшихъ всѣмъ епархіальнымъ хозяйствомъ, и дьяковъ, вѣдавшихъ все письменное производство при архіерейскомъ управленіи. Вполнѣ естественно было, что архіерейскіе бояринъ, дворецкій и дьякъ, назначаемые государемъ, ему давшіе отчетъ въ своей дѣятельности, и только имъ, а не архіереемъ увольняемые отъ своей должности, были въ существѣ дѣла органами постоянного государственнаго контроля надъ всѣмъ епархіальнымъ архіерейскимъ управленіемъ и потому всегда были очень неприятны для архіереевъ. Только въ видѣ особой милости государи допускали иногда нѣкоторымъ владыкамъ избирать указанныхъ архіерейскихъ свѣтскихъ чиновниковъ по своему усмотрѣнію. Митрополитъ Кипріанъ рѣшительно игнорировалъ назначенныхъ къ нему государемъ свѣтскихъ чиновниковъ, старался по возможности отстранить ихъ отъ всякаго дѣятельнаго участія въ епархіальномъ управленіи. Государю доносили, что ранѣе „они, государевы даные бояринъ и дворецкой и дьякъ, весь Софійскій домъ вѣдали во всемъ, а сверхъ того промежь митрополитовъ изъ государевыхъ приказовъ бояре и воеводы и дьяки тотъ Софійскій домъ вѣдали, денежную и всякую казну, и запасы, и всякій животъ переписывали для того, чтобъ церковной и домовой казнѣ никакой истери впередъ не быть, и въ тѣ поры церковной и домовой казнѣ изъ году въ годъ прибывало потому, что береженье и крѣпость ей и правда въ дѣлахъ великая была“. Такое положеніе дѣлъ со всѣмъ измѣнилось съ тѣхъ поръ, „какъ учили въ Софійскомъ дому *государевыхъ даныхъ приказныхъ людей не любить*

для того, что при нихъ невольню самовольству быть, въ дѣлахъ корыстоваться, и не учили бояря и воеводы и дьяки Софійской церковной и домовою казнѣ денегъ, и хлѣба и всякихъ запасовъ, и живота промежъ митрополитовъ переписывать и сыскивать противъ прежнихъ книгъ, и учили—*митрополитъ родъ и племя съ советники—своими семьями и заговоры, Софійскимъ домомъ владѣть безъ государевыхъ даныхъ приказныхъ людей, и съ тѣхъ мѣстъ учили великіе истери казнѣ, и мятежи и многія неправды въ дѣлахъ быть, и многимъ людямъ обида, и продажа и убивство начало быть для бездѣльной корысти*“.

Съ мѣстными государственными сановниками митрополитъ Кипріанъ обращался всегда гордо и высокоумно, стараясь характеромъ своихъ сношеній съ ними подчеркнуть ту мысль, что онъ, духовный владыка, во всѣхъ отношеніяхъ выше и почетнѣе чѣмъ они—мірскіе властелины, что онъ, въ отношеніи къ нимъ, приравниваетъ себя къ государю, и потому можетъ совершенно игнорировать ихъ власть, какъ низшую и даже подчиненную ему. Митрополитъ приказывалъ всѣмъ своимъ служащимъ титуловать себя не иначе, какъ „*государь митрополитъ*“, такъ что его посланцы, говоритъ донесеніе государю, „въ сѣзжей избѣ предъ бояриномъ и воеводы“, приглашая ихъ за чѣмъ нибудь къ митрополиту, обыкновенно говорили такъ: „*государь митрополитъ* благословляетъ васъ къ себѣ въ келью идти“. Государю про митрополита доносили еще и слѣдующее: „да у митрополита жъ Кипріана новая гордость, чего при прежнихъ митрополитахъ не бывало: какъ приходятъ къ нему, митрополиту, къ благословенью въ соборную церковь, или въ келью, государевы царицы и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи бояре и воеводы и дьяки и онъ, *митрополитъ, велитъ дворецкому своему предъ собою боярина и воеводъ и дьяковъ сказывать* (какъ это было на тогдашнихъ царскихъ пріемахъ) и *благословляетъ ихъ съ сказкою; а при прежнихъ де при всѣхъ митрополитахъ такія сказки у митрополита благословенья государевымъ боярамъ и воеводамъ и дьякамъ не бывало, благословляли бояръ и воеводъ и дьяковъ прежніе митрополиты безъ сказки, рядовымъ обычаемъ*“.

Какъ иногда самоуправно и прямо жестоко „государь митрополитъ“ распоряжался и съ посторонними, ему не под-

чиненными лицами, начиная съ дворянъ и кончая крестьянами, это видно изъ слѣдующаго донесенія царю: „да онъ же, митрополить, своею гордостію, безъ государева указу, дворянъ и всякихъ людей у себя въ крестовой, взявъ сильно, передъ собою бьетъ батоги и на цѣпь сажаетъ... А на предъ сего по совѣту, при бояринѣ князѣ Иванѣ Ивановичѣ Одоевскомъ, велѣлъ митрополить бить по торгомъ кнутьемъ государевыхъ наугородскихъ стрѣльцовъ одиннадцати человекъ за то, что они стояли на караулѣ въ каменныхъ въ горедовыхъ воротѣхъ, а въ тѣ ворота шла изъ города его митрополича невѣстка, вдова Марья, что нынѣ живетъ въ Молотковѣ монастырѣ, а передъ нею шелъ митрополичъ сынъ боярской Меркуль Борзово, что нынѣ на Москвѣ въ стряпчихъ, и почаль въ воротехъ стрѣльцовъ лаять и говорилъ де: для чего, мужики, не встанете? вѣдаете де, чья боярыня идетъ! И стрѣльцы противъ ему отказали,—что она митрополича невѣстка, а не боярыня, и противъ де ее намъ вставать ненадобе; и за то тѣ стрѣльцы, по митрополичу совѣту, за его невѣстку въ Великомъ Новѣгородѣ биты по торгомъ кнutoмъ нещадно. Да въ нынѣшнемъ, во 141 году декабря въ 19 числѣ, велѣлъ митрополить изымать въ Новѣгородѣ государева дворцоваго села Ладоскаго порогу крестьянъ дву человекъ и, не вода ко государевымъ воеводамъ въ сѣвѣжную избу, велѣлъ привести къ себѣ на конюшенный дворъ и билъ батоги нещадно, и сажали на ледникъ за то, что тѣ государевы крестьяне побранились съ его митрополичи крестьяны“.

Очевидно государь митрополить Киприанъ, въ качествѣ новгородскаго духовнаго владыки, чувствовалъ и сознавалъ себя какимъ-то удѣльнымъ князькомъ, какимъ-то самостоятельнымъ и полновластнымъ хозяиномъ и распорядителемъ въ своемъ удѣлѣ—епархіи, почему онъ очень неохотно встрѣчалъ всякое вмѣшательство въ его дѣла высшей свѣтской правительственной власти въ лицѣ государя-царя, и не всегда считалъ нужнымъ подчиняться ей и исполнять ея приказанія, а на государевыхъ служилыхъ людей, даже высшихъ ранговъ, каковы бояре, воеводы и дьяки, смотрѣлъ какъ на низшихъ себя, обязанныхъ ему, государю-митрополиту, всякимъ почтеніемъ и готовностію исполнять его требованія.

Такимъ же самостоятельнымъ въ своемъ удѣлѣ—епархіи

митрополитъ Кипріанъ чувствовалъ себя и относительно высшей духовной власти—патріарха. По крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ распоряженіямъ патріарха Кипріанъ относился явно пренебрежительно и даже при другихъ дозволялъ себѣ смѣяться надъ ними. Такъ, въ 1631 году Кипріану была прислана грамота патріарха Филарета Никитича, въ которой онъ повелѣвалъ ему, митрополиту Кипріану, „въ Петровъ постъ поститися недѣлю самому, громъ субботы и Недѣли (т. е. воскресенья), ѣсти сухояденіе по одному на день, и молитву Иисусову тайную творить въ церкви и въ кельѣ о побѣдѣ и одолѣніи на враговъ и супостатовъ, да и всѣмъ бы подъ его митрополичьею областію всему духовному чину... велѣлъ поститися и молитвы тайно творити такожде, яко жъ и самъ учнетъ поститися и молитвы творити въ церкви и въ кельѣ“. Эту патріаршую грамоту митрополитъ показывалъ въ соборѣ дьякамъ Шипулину и Первому Неронову и при этомъ *„говорилъ смѣясь: прислана де ко мнѣ отъ патріарха грамота, велѣно поститися недѣлю, и въ той де грамотѣ наврахо ко мнѣ просто, что къ которому игумну можно де написать, (то)—ко мнѣ, не такъ складнѣе того; азъ де самъ соборной и келейной чинъ знаю—старѣе всѣхъ—какъ поститися. И той государевъ грамотѣ смѣялся.* А послѣ того Петрова поста звалъ митрополитъ къ себѣ ѣсть боярина князя Юрья Яншеевича Сулешева, и ѣлъ бояринъ у митрополита въ задней кельѣ наединѣ, а съ нимъ былъ тутъ же дьякъ Первой Нероновъ. И послѣ того митрополита обѣда, на другой день, сидя бояринъ князь Юрьи Яншеевичъ въ сѣзжей избѣ наединѣ, и разговорился про митрополита, какъ у него пировалъ, и говорилъ дьяку Первому Неронову: помнишь ли де ты, какъ митрополитъ, сидя за столомъ говорилъ съ нами про грамоту, что къ нему прислана отъ государя патріарха о постѣ? Язъ-де и топерѣ сидя дрожу, какъ онъ сбрѣдилъ и говорилъ: пишетъ де ко мнѣ патріархъ въ грамотѣ о постѣ, а написано де не знаючи невѣдомо што. И язъ де ему молылъ, что у государя патріарха многія дѣла государственныя, опроче такихъ дѣлъ, и ему, государю, на многѣ тое грамоты либо выслушать у дьяка не лучилось; и митрополитъ-де почалъ въ тѣ поры иную рѣчь говорить“.

Мало того, что митрополитъ Кипріанъ не слушалъ и не исполнялъ нѣкоторыхъ предписаній царя и патріарха, но

онъ позволялъ еще себѣ свободно измѣнять мѣстную всѣми чтимую церковную старину, вводить перемѣны и даже новшества въ самое церковное богослуженіе. Царю доносили изъ Новгорода: „въ прошломъ въ 140 (1632) году, на праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы, въ соборной церкви у Софіи премудрости Божіи, на обѣднѣ у митрополита была кутья съ кануномъ, а *прежде-де сего на тотъ великій праздникъ кутьи въ соборной церкви не бывало* для того, что о государскомъ многолѣтномъ здоровьѣ соборне Бога молятъ и воду святятъ, и къ нимъ, ко государемъ, къ Москвѣ отпущаютъ. А то-де митрополитъ Кипріанъ *учинилъ собою*, что пѣлъ про государское здоровье молебны велѣлъ въ соборную церковь кутью внести. Да въ прошломъ же во 140 году, мая въ 4 день, на ангель великія государыни царевны Ирины Михайловны, пѣли въ соборѣ у Софіи премудрости Божіи вечерню съ литією, а на вечерни митрополитъ все сидѣлъ, а на утрее на праздникъ *велѣлъ митрополитъ пѣть по своему чину*; начали пѣть вмѣсто псалма: Благослови душе моя Господа, канунъ праздничный, да по третьей и по шестой пѣсни чли статьи, а послѣ кануна пропѣли: Достойно есть, да была ектенья, а послѣ ектеньи начали заутреню—аккосы и псалмы; а на всенощномъ и на заутрени все митрополитъ въ церкви сидѣлъ. А въ прошломъ, во 139 году, на ангель великія государыни царевны Ирины Михайловны, митрополитъ Кипріанъ въ соборѣ не праздновалъ“.

Являясь и въ церковномъ отношеніи своего рода новаторомъ, приказывая въ соборѣ пѣть церковныя службы „по своему чину“, отступавшему отъ обыкновеннаго ранѣе принятаго церковнаго уставнаго чина, митрополитъ Кипріанъ въ то же время всячески старался всѣ свои владычныя выходы и служенія обставить особою внѣшнею помпою, которая бы для всѣхъ видимо и замѣтно выдѣляла его изъ ряда всѣхъ другихъ властей, наглядно показывала всѣмъ его особую владычную „высость“. Докладъ государю говорить по этому поводу: „а какъ онъ, митрополитъ, ходитъ въ соборную церковь, и его водятъ подъ руки по два старца—казначей его да келейникъ; а какъ лучитца ему облаченье, и къ его митрополиту мѣсту въ церкви выходятъ изъ алтаря по два дьякона въ стихаряхъ, и пришедчи къ его мѣсту, и поклонясь ему, принимаютъ его подъ руки и поведутъ въ олтарь,

а коли митрополитъ служить и въ службѣ, гдѣ бываетъ митрополиту въ царскихъ дверяхъ каженье или свѣчею осѣненье, и въ тѣхъ во всѣхъ статьяхъ въ царскихъ дверяхъ держать его подъ руки по два дьякона; и какъ митрополитъ на каженье или на осѣненье поклонится, а тѣ два дьякона, которые его подъ руки держатъ, съ нимъ же поклонятся потому, что его держатъ подъ руки; а на вечерняхъ и на заутреняхъ въ церкви митрополитъ все сидитъ на своемъ мѣстѣ. А на дѣйствахъ, коли бываетъ лѣтпровожанье, и страшный судъ, и на воду со кресты ходъ, и какъ онъ, митрополитъ, станетъ на дѣйствѣ на мѣстѣ на рундукѣ на коврѣ, и въ тѣ поры его держатъ подъ руки по два дьякона, *а онъ руки подыметъ высоко и стоитъ съ большою гордостію*; да надъ нимъ же, митрополитомъ, держатъ подъяки *солнечникъ (зонтикъ), писанъ золотомъ съ разными красками*. А ѣздитъ онъ, митрополитъ, по праздникамъ на софійскую и торговую сторону и въ монастыри къ вечернямъ, и ко всеошнамъ, и къ обѣднямъ *во все лѣто на саняхъ*, а коли ходить со кресты въ ходы, *и надъ нимъ держатъ солнечникъ, а сани его за нимъ возятъ*“.

Такимъ образомъ, митрополитъ Кипріанъ, съ одной стороны, являлся предшественникомъ Никона въ томъ отношеніи, что онъ очень рѣшительно отказывался признавать свѣтскую власть выше духовной, почему не всегда слушалъ и исполнялъ царскія повелѣнія, если находилъ ихъ въ чемъ либо несогласными съ своими интересами и правами какъ духовнаго владыки, государя—митрополита. Съ другой стороны, митрополитъ Кипріанъ былъ представителемъ тѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, которые тяготились своею зависимостію отъ патріарха, желали придать своему епархіальному управленію автономный характеръ, независимый отъ постоянного вмѣшательства въ епархіальныя дѣла патріарха, желали провести въ церковной жизни тотъ принципъ, что патріархъ не есть глава архіереевъ, не высшее и начальственное надъ ними лицо, *а только первый между равными*, и что, поэтому, каждый епархіальный архіерей есть такой же самостоятельный и независимый управитель въ своей епархіи, какъ и патріархъ въ своей области, — высшею инстанціей какъ для патріарха, такъ и для всякаго епархіальнаго архіерея, можетъ быть и есть только соборъ. Въ указанномъ

нами постѣднемъ направленіи митрополитъ Кипріанъ быть предшественникомъ всѣхъ тѣхъ русскихъ епархіальныхъ архіереевъ, которые присутствовали и дѣйствовали на соборѣ 1667 года.

Русскіе епархіальные архіеры, какъ мы знаемъ, крайне не любили патріарха Никона, видѣли въ немъ своего угнетателя и поработителя, и потому всячески желали и добивались его окончательнаго низверженія съ патріаршаго престола. Съ его низверженіемъ они рассчитывали достигнуть большей самостоятельности и независимости въ управленіи своими епархіями, большей силы и вліянія на обще-церковныя дѣла, отъ которыхъ совершенно отстранилъ ихъ Никонъ, не терпѣвшій никакихъ совѣтовъ и указаній со стороны своихъ собратій о св. Духѣ. Но, съ другой стороны, открыто высказанное Никономъ ученіе, что священство выше царства, что свѣтская — государственная власть не должна вмѣшиваться въ дѣла церковныя, а слѣдовательно и въ епархіальныя, что надъ духовными владыками она не имѣетъ никакихъ верховныхъ правъ — эти воззрѣнія Никона какъ нельзя болѣе пришлись по душѣ русскимъ архіереямъ, которые рѣшительно и горячо стали въ этомъ отношеніи на сторону нелюбимаго ими Никона. Низвергнуть Никона, поработителя архіереевъ и, въ тоже время, доставить торжество его идеямъ, — что священство выше царства, — это значило бы для архіереевъ разомъ освободиться не только отъ подавляющаго ихъ преобладанія патріаршей власти, которой, въ лицѣ Никона, былъ бы данъ хорошій урокъ, но и отъ вмѣшательства въ ихъ епархіальныя дѣла государственной власти, которая, не менѣе патріаршей, очень сильно давала чувствовать себя каждому архіерею. Въ виду этаго всѣ русскіе архіереи, по вопросу объ отношеніи царства къ священству, стали на сторону заявленныхъ Никономъ воззрѣній и рѣшились ихъ всячески отстаивать на предстоящемъ церковномъ соборѣ. Положеніе дѣлъ, въ указанномъ отношеніи, становилось настолько серьезнымъ, что со стороны высшаго свѣтскаго правительства, конечно хорошо освѣдомленнаго о настроенности русскихъ владыкъ, необходимо требовалось предпринять что либо рѣшительное, если только оно хотѣло остановить дальнѣйшее распространеніе идей Никона и дальнѣйшее возникновеніе „свободныхъ архіереевъ“, заяв-

лявшихъ, что они не признають надъ собою царскаго суда, не желаютъ допускать государственную свѣтскую власть въ обще-церковныя и ихъ частныя епархіальныя дѣла. Очевидно свѣтскому правительству необходимо было противопоставить воззрѣніямъ русскихъ архіереевъ на царство и священство воззрѣнія противоположныя, и при томъ такъ, что бы онѣ заявлены были тоже духовными властями, только болѣе авторитетными, чѣмъ Никонъ и русскіе владыки. Наше свѣтское правительство такъ и поступило.

Государь Алексѣй Михайловичъ обратился на востокъ съ особою грамотою, въ которой онъ просилъ патріарховъ отвѣтить на предложенные въ царской грамотѣ вопросы. Восточные патріархи, соборно обсудивъ царскіе вопросы, прислали на нихъ свои письменные отвѣты, за своими собственноручными подписями. На первый вопросъ, предложенный въ царской грамотѣ: „что есть царь?“ патріархи между прочимъ отвѣчали: „царю подобаетъ, да будетъ глава и верхъ ко всемъ членамъ, подчиненнымъ ему... Добрѣ разсуждати должныствуютъ царіе, еже не дати своей чести инымъ, ниже возстановати въ твореніи благодарній по причинѣ: не даждь иному чести твоя, да не подвигнеши ось на тя... Царь есть господь всѣхъ подданныхъ своихъ, ожидающихъ отъ него дарованій и добротвореній, противныхъ паки—казни. А аще убо кто царю видится противенъ быти, хотя есть и лице церковное, въ достоинствѣ вчиненное, не безъ ума бо мечъ носить, но въ похвалу добрѣ творящихъ, въ гожденіе же злѣ дѣлающимъ, ибо мстникъ Божій есть, и того ради въ писаніяхъ предадеса: царя чтите и о царѣ миліся дѣйте“. Второй вопросъ, предложенный государемъ на разрѣшеніе восточныхъ патріарховъ, былъ слѣдующій: „подобаетъ-ли всѣмъ, наипаче мѣсто держащу епископу или патріарше, подчинену быти и повиноватися царю, царскую власть держащему и ея употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещехъ и преніяхъ тако, во еже бы единому быти господину и начальнику, или ни? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ между прочимъ говорится: „яко же Богъ есть на небеси повсемѣственъ, то на земли суть по Воевъ тій, иже держацій царскую власть и престолъ; и якоже, иже несохранивый вѣры божественныя отъ общества вѣрныхъ изгнанствуя отвергается, подобнѣ иже вѣры къ царскому достоинству сотворенныя несохран-

ши, лестно же и отай дѣлающіи, недостойни, намъ мнятся, еже христіанское имя на себѣ къ тому содержати, зане же бо помазанникъ Господень именуется и есть, иже царскимъ вѣнцемъ увѣнчанъ быше“. Затѣмъ приводится исповѣданіе, какое давали греческіе патріархи своимъ императорамъ: „исповѣдую симъ писаніемъ моимъ, еже сохранить ми къ тебѣ, крѣпчайшему царю и повелителю, чистую вѣру и благохотѣніе, яко же долженствую то отъ естественнаго нѣкоего мановенія и отъ правильнаго долга тако, *во еже бы ми быти подѣ повелительствомъ, и заповѣдію, и подѣ маніемъ царскаго твоего достоинства, и противну противу всякому человеку, противляющемуся сему моему крестному цѣлованію.* И по малѣхъ: сіе же крестное цѣлованіе, не точію къ царю, но и къ царицѣ и къ ея сыномъ царевичемъ принадлежитъ... И по малѣхъ: еже быти ми подѣ изволеніемъ и прописаніемъ твоея царскія свѣтлости, и еже дѣлати ми по благоизволенію твоихъ царскихъ тако писаніемъ преданныхъ, яко же и кромѣ писаній изъявленныхъ... Аще же откуда явится нѣкое сомнѣніе, *объяваю мя подлагати подѣ судъ и его достойныя казни по предложенію и повелѣнію твоего царскаго престола*“. Приводя эти выдержки изъ 64 главы великаго Номоканона, патріархи дѣлають такое заключеніе: „изъ нихъ же собирается: царя убо быти совершенна господа и единого быти законодавца всѣхъ дѣлъ гражданскихъ; *патріарха же быти послушлива царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отомстителю Божию, ниже коимъ либо обычаемъ господствовать еже хотѣти или дѣяти въ вещехъ гражданскихъ, еже есть противно и пакостно царскому нещеванію... Творяща (патріархъ) противнѣ церковнымъ уставамъ или противно царю, неразумнѣ и безумнѣ дѣюща, и съ престола своего весьма быти извержительно и удалительно*“. Въ отвѣтъ на пятый вопросъ говорится: „никто не имѣетъ толику свободу, да возможеть противитися царскому повелѣнію, — законъ бо есть. Того ради, *аще кто и духовный предстатель, аще и патріархомъ его наречени, или иной степени мужъ, сичевому (словесному) повелѣнію, или еписistolіи, сопротивилъ бы ся, да страждетъ казнь, яко безправильное нѣчто сотворивый*“ ¹⁾.

¹⁾ Гиб. II, стр. 671 и слѣд

Такимъ образомъ, восточные патріархи, на предложенные имъ вопросы объ отношеніи власти свѣтской и духовной, или власти царской и патріаршей, отвѣтили совершенно противоположно Никону. Вопреки ему они признали, что царская власть выше духовной, такъ какъ царь есть намѣстникъ самаго Бога на землѣ, что патріархъ и всякій архіерей, наравнѣ со всѣми другими подданными, обязавъ царю безусловнымъ во всемъ повиновеніемъ, что всякое повелѣніе, идущее отъ царя, будетъ ли то письменное или словесное, „законъ есть“, почему оно вполнѣ обязательно и для самаго патріарха, который наравнѣ съ другими долженъ „полагать себя подъ судъ царскій“ и наравнѣ съ другими подданными нести кару за всякое противленіе царскимъ повелѣніямъ.

Отвѣтъ восточныхъ патріарховъ для высшей свѣтской власти рѣшалъ вопросъ въ желательномъ для нея смыслѣ и окончательно, но не такъ посмотрѣли на дѣло русскіе свободолюбивые владыки.

Русскіе архіереи вовсе не желали согласиться съ предложеннымъ восточными патріархами рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, съ рѣшеніемъ, отдавшимъ архіереевъ по прежнему въ полное распоряженіе и подчиненіе свѣтской правительственной власти. Естественно было съ ихъ стороны попытаться снова подвергнуть этотъ вопросъ соборному обсужденію, въ видахъ добиться болѣе благопріятнаго для нихъ его рѣшенія. За это дѣло взялись, главнымъ образомъ, два архіерея, выдавашіеся своимъ умомъ, относительною образованностію, своимъ нерасположеніемъ лично къ Никону и, въ то же время, горячимъ сочувствіемъ къ его церковной реформѣ и къ его воззрѣніямъ на отношеніе между царствомъ и священствомъ. Оба эти архіерея въ то же время пользовались особымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя и потому были самыми вліятельными среди другихъ архіереевъ. Это были—Павель, митрополитъ крутицкій и Иларіонъ, архіепископъ рязанскій. Такъ какъ въ концѣ 1666 года въ Москву прибыли два восточные патріарха, въ сопровожденіи другихъ восточныхъ іерарховъ для соборнаго суда надъ Никономъ, то Павель и Иларіонъ рѣшились на смѣлое дѣло: рѣшились открыто поднять на соборѣ вопросъ о царской и патріаршей власти

съ тѣмъ, чтобы вновь соборно обсудить этотъ вопросъ и добиться иного его рѣшенія, нежели какое дано было ему на востокѣ въ патриаршихъ отвѣтахъ на царскіе вопросы, такъ какъ на востокѣ, при составленіи патриархами своихъ отвѣтовъ, вовсе не было представителей и защитниковъ того взгляда, что священство выше царства, почему вопросъ и былъ тамъ рѣшенъ, по ихъ мнѣнію, очень односторонне и потому неправильно.

По очень понятнымъ причинамъ соборныя пренія о власти свѣтской и духовной не вошли въ составъ официальныхъ соборныхъ актовъ, которые вовсе умалчиваютъ объ этомъ крайне важномъ и характерномъ эпизодѣ изъ соборныхъ дѣяній 1667 года, какъ будто въ дѣйствительности его совсѣмъ и не было. Но за то объ этомъ событіи очень подробныя и обстоятельныя свѣденія сообщаетъ намъ игравшій на соборѣ роль адвоката царской власти газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, въ третьей части своего сочиненія о соборномъ судѣ надъ патриархомъ Никономъ. Дальнѣйшій рассказъ о соборныхъ преніяхъ по вопросу о власти царской и патриаршей будетъ лишь переводомъ изъ упомянутаго сочиненія Паисія Лигарида, сокращеннымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Паисій вдается въ ненужное, вовсе не идущее къ дѣлу многоглаголаніе ¹⁾.

Паисій Лигаридъ рассказываетъ о соборныхъ засѣданіяхъ 1667 года, по интересующему насъ вопросу, слѣдующее:

14-го января (1667 года) собрались всѣ архіереи въ новомъ патриаршемъ домѣ по дѣлу о подписаніи низложенія Никона. При этомъ открылось несогласіе изъ-за нѣкоторыхъ реченій, помѣщенныхъ въ докладѣ и толкуемыхъ неправильно крутицкимъ Павломъ и рязанскимъ Иларіономъ, ко-

¹⁾ Сочиненіе газскаго митрополита Паисія Лигарида „О соборномъ судѣ надъ патриархомъ Никономъ“ написано имъ на греческомъ языкѣ и греческій его списокъ находится въ московской синодальной библиотекѣ № 469. Сочиненіе раздѣляется на три части, первыя двѣ части переведены на русскій языкъ съ сокращеніями. Рукопись этого перевода хранится въ нашей академической библиотекѣ. Но третья часть доселѣ остается безъ перевода и неизвѣстна ученымъ. Только митрополитъ Макарій, въ XII томѣ своей Исторіи русской церкви, сообщаетъ нѣкоторыя, впрочемъ самыя общія свѣдѣнія, заимствованныя изъ этой части сочиненія Паисія Лигарида, заслуживающей, особенно по интересующему насъ вопросу, полного вниманія

торыхъ почитали столпами сего собора, и нѣкоторыми другими архіереями, имъ послѣдовавшими. Они рѣшительно отказались подписаться (разумѣется подъ осужденіемъ п. Никона), убоившись страха, „идеже не бѣ страхъ,“ и превратно толкуя слова, что было весьма вредно для нихъ самихъ, по причинѣ ихъ несогласія и непокорливой дерзости и безстыдства. Тогда какъ все другіе подписались, двое непокорныхъ отступили отъ нихъ, почему царь сильно разгнѣвался на нихъ, а особенно святѣйшіе (разумѣются присутствовавшіе на соборѣ восточные патріархи—александрійскій Паисій и антiохійскій Макарій), были изумлены ихъ непокорностію и запальчивымъ прошеніемъ (содержаніе котораго Паисій передаетъ ниже). Такимъ образомъ соборъ разошелся не безъ волненія и назначено было съ особою тщательностію заняться въ своихъ келліяхъ изслѣдованіемъ этой главы патріаршаго опредѣленія и дать свое мнѣніе въ краткомъ видѣ, на письмѣ, чрезъ два дня.

Приблизился назначенный день, рассказываетъ Паисій (въ девятой главѣ), и все архіереи, горя пламенной братской любовью, собрались въ новый патріаршій домъ. Предсѣдательствовали папа Паисій и патріархъ Макарій. Каждый принесъ на бумагѣ свой символъ (т. е. изложеніе своего мнѣнія по данному вопросу?) отъ своего богатства приношеніе для изслѣдованія важнаго вопроса, и были предложены на среду собранныя боголюбезнымъ тцаніемъ изреченія, которыя клонились къ чести и достоинству первосвященства, равно какъ были читаны и мѣста, говорящія въ пользу богодарованной власти царской и объясняющія ея преимущества.

Предложено было изъ втораго слова Златоустаго (въ рускомъ переводѣ оно значитъ третьимъ—Христ. Чтеніе 1831 г. ч. 42 стр. 7—11) слѣдующее мѣсто: „священнослуженіе совершается на землѣ—по починуположенію небесному. Такъ и должно быть. Ибо не человекъ, не ангель, не архангель и не другой кто либо изъ сотворенныхъ, но самъ Утѣшитель учредилъ служеніе, и людей, еще облеченныхъ плотію, содѣлалъ представителями служенія ангеловъ. Посему совершитель сего служенія долженъ быть столько чистъ какъ бы онъ стоялъ на небѣ, посреди небесныхъ силъ... Когда видишь Господа закланнаго и предложеннаго въ жертву; свя-

щенника, предстоящаго сей жертвѣ и возносящаго молитвы; народъ же весь окропляемый ея драгоцѣнною кровію;—еще ли думаешь, что ты находишься между человѣками, и стоишь на землѣ; что не перенесся мгновенно на небеса, и отвергнувъ всѣ плотскія помышленія души, обнаженнымъ отъ всего земнаго духомъ и чистымъ умомъ не созерцаешь небесное? О чудо! о человѣколюбіе Божіе!—Сѣдящій со Отцемъ въ сей часъ объемлетъ руками всѣхъ; даетъ себя осязать и ощущать всѣмъ, кто только желаетъ... Предстоитъ священникъ, низводя не огонь, но св. Духа; возноситъ усердную молитву не о томъ, чтобы огонь ниспалъ съ неба и попалилъ предложенную ему снѣдь; но дабы благодать, низшедши на жертву, возжгла души людей и сдѣлала свѣтлѣйшими чистаго сребра... Еще живутъ и обращаются на землѣ; а поставлены распорядиться небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ. Ибо не имъ сказано: и елика аще разрѣшите, будетъ разрѣшена (Мѡ. 18, 18). И земные владыки имѣютъ власть связывать, но только тѣла. А тѣ узы связываютъ душу, проникаютъ небеса; и что священники опредѣляютъ на землѣ, то Богъ утверждаетъ на небѣ. Господь согласуется съ мнѣніемъ рабовъ своихъ! Что же другое онъ вручилъ имъ, какъ не всю духовную власть? Имъ же, говоритъ, отпустите грѣхи, отпустятся: имъ же держите, держатся (Іоанна 20, 23). Какая власть можетъ быть болѣе сей? Отецъ весь судъ отдалъ Сыну (Іоанна 5, 22). Теперь вижу, что Сынъ весь судъ сей предоставилъ священникамъ. Они возведены на такую степень власти, какъ будто уже переселены на небо, превознеслись надъ человѣческою природою и освободились отъ страстей нашихъ“.

Выслушавъ это, соборъ воскликнулъ: „для чего же ты не привелъ положеннаго вначалѣ изреченія Златоустаго:—„священство, которое столько превосходитъ всѣхъ другихъ достоинствъ, сколько духъ превосходитъ тѣла?“ Газскій отвѣчалъ: „это сдѣлано не съ хитростію, но златія слова Златословнаго учителя взяты вкратцѣ и только приведенъ изъ нихъ отрывокъ, который показался необходимымъ и полезнымъ“. Всталъ Симеонъ Вологодскій и сказалъ: „вотъ слова Златоустаго яснѣе солнца утверждаютъ, что степень священства выше степени царскаго“. Газскій (Пансіи говоритъ

о себѣ въ третьемъ лицѣ и обыкновенно называетъ себя просто Газскимъ) отвѣчалъ: „надлежитъ напередъ узнать мысль (проникнуть въ мысль) сего великаго наставника, знать съ какою цѣлю онъ это говорить, и потомъ изслѣдовать слова, столь ясно и премудро раскрывающія, что въ духовныхъ дѣлахъ архіерей имѣеть первенство и преимущество предъ царскимъ достоинствомъ. А это не противится патріаршему опредѣленію и словамъ, утверждающимъ согласно со мною, что царь имѣеть первенство въ дѣлахъ гражданскихъ“¹⁾. „Такъ, отвѣчалъ Симеонъ, но помни притчу Соломонову, поучающую всѣхъ, а въ настоящемъ случаѣ и духовныхъ, не обращаться на десно, и не уклоняться на шуе, но идти среднимъ путемъ, безошибочнымъ и царскимъ. Помни, что и самъ ты архіерей и одинъ изъ князей христоименитаго народа. Посему долженъ болѣе поддерживать права архіереевъ, нежели превозносить на словахъ права державныхъ“. На это сказалъ Газскій: „я такъ говорю не по приверженности къ царю не по приверженности собственно къ Алексію, но право правлю слово истины, какъ герольдъ, несущій съ собою предсказаніе оракула... (Слѣдуютъ другія сравненія). Вникнемъ въ слова Златоустаго точнѣе. Первосвященство, говоритъ онъ, выше царской власти, какъ душа тѣла. Но какъ внѣшній человѣкъ, т. е. чувства, совершаютъ свои дѣйствія, такъ внутренній человѣкъ т. е. душа,—внутреннія дѣйствія. Подобнымъ образомъ архіерей занимается дѣлами церкви, а царь мірскими дѣлами государства,—каждый сохраняетъ при этомъ свои права, каждый обращается въ своей сферѣ.

Имѣете ли подъ руками другія свидѣтельства для яснѣйшаго утвержденія?—спросили архіереи.—Имѣемъ, отвѣчали патріархи, достаточно. Вотъ еще слова Златоустаго изъ шестаго слова о священствѣ: „а когда онъ, священникъ, призываетъ Святаго Духа и совершаетъ страшную жертву, такъ часто прикасаясь къ общему всѣмъ владыкѣ; тогда скажи мнѣ, гдѣ назначить ему мѣсто? Какой потребуемъ отъ него

¹⁾ Подъ „патріаршимъ опредѣленіемъ“ Писцій разумѣеть патріаршіе отвѣты на вопросы о власти царской и патріаршей, привезенные въ Москву грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ и пѣзъ которыхъ выше мы приводили нѣкоторыя извлеченія

чистоты, какого благочестія? Ибо помысли, какія должны быть руки, служащія такому таинству? Каковъ долженъ быть языкъ, произносящій таковыя слова? Не всего-ли чище и святѣе должна быть душа, приѣмлющая толикую силу Духа? Тогда и ангелы предстоятъ священнику, и все мѣсто жертвенника въ честь Возлежащаго на немъ, исполняется небесными силами. Въ семъ удостовѣряетъ самое дѣйствіе, совершаемое тогда. Но кромѣ сего я нѣкогда слышалъ отъ одного человѣка, что нѣкоторый пресвитеръ, мужъ удивительный, имѣвшій даръ духовныхъ видѣній, говорилъ ему, что онъ однажды, бывъ удостоенъ таковаго видѣнія, вдругъ узрѣлъ (сколько то ему возможно) сонмы ангеловъ, которые были облечены въ свѣтлыя одежды, окружали жертвенникъ и взирали долу, точно такъ, какъ бы воины, стоящіе въ присутствіи царя. Я вѣрю словамъ сего человѣка. Также и другой нѣкто рассказывалъ мнѣ (онъ не отъ другаго слышалъ, а удостоился самъ видѣть и слышать), что тѣхъ, которые должны отойти отъ сей жизни, если они причастились св. тайнамъ съ чистою совѣстью,—при отхожденіи ихъ, въ честь принятаго ими дара, окружаютъ ангелы и возносятъ на небо“ ¹⁾).

Суздальскій архіепископъ Стефанъ немедленно спросилъ: требую объясненія—для чего приведено это мѣсто?—Газскій отвѣчалъ: здѣсь Златоустый ясно показываетъ, какую чистоту долженъ имѣть священникъ, обходящій страшный оный жертвенникъ, на которомъ воссѣдаютъ многоочитіи силы, записывая въ книгъ живота всяческая и т. под. (не идущее къ дѣлу).—Патріархи сказали: пусть будутъ приведены свидѣтельства и другихъ богоносныхъ отцевъ. И приведены слова епископа Кипрскаго Епифанія: ибо первое священство совершается въ необрѣзаніи Авелемъ, а также и слѣдующее за нимъ Ноемъ, и третье Мелхиседекомъ. И что Мелхиседекъ былъ человѣкъ, это открываетъ самъ святыи апостолъ Божій въ посланіи, говоритъ же онъ такъ: непричитаемый же родомъ къ нимъ, одесятствова патріарха (Евр. 7, 6). Изнесе Аврааму хлѣбы и вино: и бяше священникъ Вышняго въ то время; онъ благослови Авраама и по-

¹⁾ Это мѣсто изъ Златоуста въ русск. переводѣ см. Христ. Чт 1832 г. ч. 47 стр. 325—326.

лучилъ отъ него десятину (Быт. 14, 18—20). Ибо рабъ Божій долженъ былъ воздать честь священнику Вышняго... и т. д. ¹⁾. „Газскій невопрошаемый всталъ и сказалъ: это мѣсто не идетъ къ разрѣшенію нашего недоумѣнія. Мы говоримъ не о преемствѣ, а о превосходствѣ между священникомъ и царемъ“.—Тогда приведены были слова того же Епифанія изъ его книгъ противъ ересей: „престоль Давидовъ и царское сѣдалище есть священство во святой церкви; сіе то царское и первосвященническое достоинство, соединивъ во едино, Господь даровалъ святой церкви, перенеся въ нее престоль Давидовъ непрестающій пребывать во вѣкъ; потому престоль Давидовъ существованіе свое преемственно продолжалъ до самаго Христа, такъ какъ не оскудѣвали князья отъ Іуды, дондеже пришелъ Тотъ, кому отложено, и той, сказано, чаяніе языковъ (Быт. 49, 10). Ибо въ пришествіе Христова прекратились до самаго Христа бывшіе по преемству вождями князи отъ Іуды. Прекратился и непродолжался болѣе порядокъ, когда родился Христосъ въ Вилеемѣ іудейскомъ, при Александрѣ, происходившемъ изъ первосвященническаго и царскаго рода. Сיםъ то Александромъ, со времянь его и Саалины, называемой и Александрю, пресѣкъся жребій царскій, при царѣ Иродѣ и Августѣ, самодержцѣ римскомъ. Этотъ Александръ, какъ одинъ изъ помазанниковъ и вождей, возложилъ на себя и вѣнецъ; потому что когда соединялись два колѣна и царское и священническое, разумѣю Іудино и Аароново и все Левино, тогда происшедшіе отъ сихъ колѣнъ дѣлались царями и іереями. Ибо ничто не погрѣшило изъ загадокъ (тайственного смысла) св. Писанія. Но тогда наконецъ возложилъ на себя діадиму иноплеменный царь Иродъ, а не изъ потомковъ Давидовыхъ. А по паденіи царскаго престола и царское достоинство изъ плотскаго Іудина дома и изъ Іерусалима перенесено во Христѣ въ церковь. Водружается же престоль во святѣй Божіей церкви во вѣки, имѣя достоинство по двоякому праву, и царскому и первосвященническому: по праву царскому отъ Господа нашего І. Христа—

¹⁾ Эти мѣста взяты изъ трактата св. Епифанія „о мелхиседекіанахъ“, см. русскій переводъ Твореній св. Отцовъ, т. 44. стр. 439, 437, (мѣста приводятся у Палсія не къ ряду) 441, 443, 446 и др.

двояко: и потому что Онъ по плоти отъ сѣмени Давида царя, и потому что, будучи тѣмъ, что Онъ есть, отъ вѣка болѣе еще царь по Божеству; по праву же священническому, потому что Онъ Архіерей и Первостоятель архіереевъ, послѣ того какъ вскорѣ поставленъ Іаковъ, именуемый братъ Господень, и апостоль—первый епископъ, по естеству сынъ Іосифовъ, наименованіе же брата Господня получившій, потому что жилъ въ одномъ съ Нимъ семействѣ... Ибо пребываетъ престолъ Его, царствію Его не будетъ конца, возсядетъ на престолъ Давида, ни въ чемъ не измѣнивши царской власти Давида, но даровавъ ее слугамъ своимъ— архіереямъ вселенской церкви ¹⁾.

Послѣ прочтенія сихъ мѣстъ соборъ сказалъ: отвѣчай Газскій епископъ: ни яснѣ ли солнца высказывается здѣсь искомое,—что престолъ святительскій выше всякаго другаго престола, а слѣдовательно и самаго царскаго достоинства? Газскій отвѣчалъ: дайте мнѣ немного времени для разсмотрѣнія этого труднаго мѣста у св. Епифанія“. Архіереи отвѣчали: „свидѣтельствъ много, только отверзь врата твоего слуха“, и прочтено было изреченіе Григорія Богослова изъ его апологетики: „кто возметъ, какъ глиняное какое издѣліе, изготовляемое въ одинъ день, образовать защитника истины, который долженъ стоять съ ангелами, славословить со архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ. священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе—быть богомъ и творить богами. Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены, и куда готовимъ другихъ ²⁾. Пребожественный Василій въ пятой молитвѣ елеосвященія молится такъ: „Господи Боже нашъ, вдохнувшій въ своихъ учениковъ и сказавшій: примите Духа святаго, иже меня смиреннаго и грѣшнаго и недостойнаго раба твоего—призвавъ на превеличайшій степень священства и войти во внутренняя завѣсы и въ святая святыхъ и пр.“. Изъ этихъ свидѣтельствъ выводятся два заключенія: во-первыхъ то, что іерей есть богъ земной и по слову псалма:

¹⁾ Это мѣсто взято изъ трактата св. Епифанія „о назорейхъ“. Русск. переводъ при Твор. св. Отцевъ т. 42 стр. 204—207.

²⁾ Твореніе Григорія Богослова въ русск. переводѣ т. 1. стр. 61—62.

Я сказалъ: вы боги есте и сыновья высочайшаго всѣ; вторыхъ, что высочайшій степень священства превосходить всякій другой степень на землѣ. Читано было наконецъ первое посланіе Григорія Двоеслова къ царю Льву Исаврянину, гдѣ онъ говоритъ: „вѣдаешь царь, что догматы святой церкви не царю принадлежатъ, но архіереямъ, которые безопасно имѣютъ догматствовать. Посему архіереямъ ввѣрены церкви и они не входятъ въ дѣла правленія народнаго. Пойми и замѣть это—воздерживаясь отъ народныхъ дѣлъ, т. е. отъ политическихъ; а цари подобно не должны (входить) въ дѣла церковныя, но заниматься ввѣренными имъ (т. е. гражданскими). Совѣщаніе же христіанскихъ царей и благочестивыхъ архіереевъ составляетъ единую силу, когда дѣла управляются съ миромъ и любовію.

При этомъ всѣ воскликнули: вотъ прекрасное разграниченіе, вотъ наилучшее толкованіе, вотъ мудрое объясненіе, отдѣляющее для cadaго свою область, какъ для царя, такъ и для архіерея.

Подобное тотъ же папа писалъ и во-второмъ посланіи къ Льву иконоборцу: ты написалъ: „я царь и священникъ, по сказанному въ святомъ откровеніи: сотворилъ есть насъ іереи и цари Богу“. И это цари предшествующіе тебѣ (приводимъ слова Григорія Двоеслова въ сокращеніи) показали словомъ и дѣломъ: Константинъ, Θεодосій, Валентинъ,—эти цари благочестиво царствовали вмѣстѣ съ архіереями, единомысліемъ и совѣтомъ собирали соборы, изслѣдуя истину догматовъ, они устроили и украсили святыхъ церкви, эти суть священники и цари... Ты же съ тѣхъ поръ, какъ пріялъ царское достоинство, найдя св. церкви изукрашенными лишилъ ихъ украшенія и опустошилъ... Ибо какъ не имѣть власти архіерей проникать во дворецъ и надѣвать знаки царскаго достоинства, и царь не можетъ войти въ церковь (если не захочетъ передвигать границы) и изрекать приговоры о духовенствѣ, и благословлять и налагать руки на символы св. таинствъ, и даже причащаться безъ іерея; но каждый изъ нихъ да пребываетъ въ томъ призваніи, къ какому призванъ Богомъ“.

Вотъ опять, сказали архіереи единодушно, римскій Григорій обличаетъ царя Исаврянина, только—только не приводя псалма, какъ онъ говоритъ противъ царей.—„Подлинно

такъ, сказали два вселенскіе патріарха. Когда царь еретикъ, справедливо онъ подвергается обличенію и осужденію, яко неповинующійся соборной церкви. И такъ должнъ отличать благочестивыхъ царей отъ нечестивыхъ и невѣрныхъ, какъ различаютъ и іереевъ истинныхъ отъ ложныхъ, какъ и божественный Василій подтвердилъ въ письмѣ къ жителямъ Никополя“. Но поелику день уже прошелъ, то главы о царѣ отложены до завтра. И такимъ образомъ собраніе разошлось съ благословеніемъ.

На утро собрались всѣ архіереи (десятая глава) въ новомъ патріаршемъ домѣ, въ намѣреніи предложить полезныя главы о христіюбивомъ царѣ. Прибыли и оба патріарха и начали говорить: поелику вчера предстоятель Газскій обѣщался намъ объяснить мѣсто изъ блаженнаго Епифанія, который говоритъ, что престоль Давидовъ и престоль царскій во св. Христовой церкви есть священство, то пусть объяснитъ онъ намъ это изреченіе. Послѣ того мы обратимся къ главамъ о христіюбивомъ царѣ.

Газскій, получивъ дозволеніе, началъ говорить: хотя сравненіе по большей части вызываетъ споры и ненависть вслѣдствіе различія человѣческихъ мыслей и мнѣній, однакоже, когда такое сравненіе дѣлается для объясненія и познанія точной истины, не только оно не бываетъ ненавистно и противно, но и весьма похвально. Сравненіе и сближеніе производится по нѣкоторымъ сходнымъ или подобнымъ чертамъ, а не вслѣдствіе полного тожества, иначе не могли-бы быть сравненія и сопоставленія. Такимъ образомъ кажется, что священство имѣетъ преимущество предъ земнымъ царскимъ достоинствомъ, по полнотѣ духовной власти. Такъ, никто не можетъ отпускать грѣхи, кромѣ единого архіерея: кто можетъ отпускать грѣхи, воскликнули іудеи, кромѣ одного Бога, а Богомъ земнымъ называется архіерей, какъ рассуждаетъ въ постановленіяхъ апостольскихъ божественный Климентъ и съ нимъ эпонимъ богословія. Но въ благословеніи іерей выше царя, почему и Мелхиседекъ, будучи священникомъ Бога вышняго, благословилъ патріарха Авраама, а несомнѣнно, что худшее лучшимъ благословляется. Но относительно помазанія нѣтъ между ними различія, ибо оно обще обоимъ, какъ великій Киприанъ, въ словѣ о помазаніи, говоритъ: нынѣ въ церкви совершается мѣро, въ ко-

торомъ смѣшивается съ елеемъ бальзамъ и чрезъ сіе ясно указывается единеніе архіерейскаго и царскаго достоинства и власти... Далѣе Паисій сравниваетъ царя и архіерея съ двумя свѣтилами великими, которые оба необходимы: два великихъ свѣтила поставилъ диміургъ всѣхъ боговъ (эта выдержка изъ стиховъ Григорія Богослова) на тверди небесной: одно свѣтящее днемъ; другое-же—для освѣщенія ночи, оба прекрасныя и полезныя для всякаго въ мірѣ произрожденія... Но истинѣ свѣтиломъ свѣтилъ свѣтлѣйшимъ подобны архіерей и царь на тверди церкви, и когда оба правятъ право слово истины, то бываетъ общее удовольствіе и радость, когда же не право творятъ, подвергаясь наглядному затмѣнію, тогда плачь и стenanіе повсюду слышится... Затѣмъ Газскій переходитъ къ сравненію древняго духовенства съ современнымъ: прежде іереи были златые по правамъ, хотя служили на деревянныхъ дискахъ и потирахъ, а нынѣ мы мѣдные и желѣзные, по словамъ и дѣламъ, хотя и совершаемъ таинство причащенія въ сосудахъ златыхъ и преукрашенныхъ. О какая перемѣна! Дай мнѣ архіерея, который бы стяжалъ ревность Фенееса, кротость Моисея, ревность Иліи, и я предпочту его всякому Кесарю и Августу, надъ землею начальствующимъ. Но если между насъ являются не епископы, а *эпихота* ¹⁾, не митрополиты, а *шарополиты* ²⁾,—не добрѣ живущіе, отъ нихъ же первый есмь азъ окаянный, то какой намъ стыдъ! какого ожидать благоговѣнія?.. Посему царю надлежитъ казаться и быть выше другихъ, но предстоятели церкви должны быть свѣтильникомъ, поставленнымъ на золотомъ свѣщникѣ, чтобы быть видиму, какъ нѣкоторый Фаросъ и колоссъ свѣтящійся... Таковъ подобаетъ намъ архіерей: преподобенъ незлобивъ, не скверенъ ³⁾, свѣтлѣе и чище аміанта, который въ пламени огня не сгораль, но еще болѣе очищался. Если же окажется противнымъ тому (но я не позволю себѣ никого порицать), достаточно мнѣ указать на одного изъ многихъ, соборнѣ лишеннаго патріаршескаго достоинства и власти, разумѣю Никона, стоящаго внѣ священной ограды

1) Помрачители.

2) Преступные граждане

3) Евр. 7, 26

алтаря, вмѣсто мира бросилъ ножъ въ Христову церковь, царскаго и Давидова престола не слушая, какъ невнимательный къ слову архипастыря и великаго Учителя, глаголющему: вложи, Петръ, мечъ твой въ ножны, едва удержавшему его и бывшихъ съ нимъ отъ стремленія къ убійству... Но, о вѣчно священный, Богомъ пособляемый государь нашъ, великій побѣдитель и вѣрнѣйшій защитникъ церкви, живи, какъ фениксъ, на многія лѣта, да будетъ тебѣ, какъ орля юность твоя, ты воистину архіерей и царь, яко подражаеши педь во слѣдъ и соревнуй великому Θεодосію, великому Юстиніану, христіаннѣйшему Константину, тебя да возставитъ Христосъ Богъ нашъ новаго Давида, по сердцу своему найдя, яко не далъ еси сна очамъ твоимъ и рѣсницамъ дремоты, дондеже богосоставленное сіе собраніе... собрала богумудрая твоя свѣтлость, послѣдуя боговѣщанному гласу, глаголющему (Матѣ. гл. 18): идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, Азь ту есмь посредѣ ихъ. Положу вѣнецъ слову Моему... и слѣдуетъ моленіе „за христолюбиваго и свѣтлѣйшаго царя нашего, отъ Бога царство пріемшаго“, объ одоленіи на враговъ, „особенно же сарацинъ“, по грѣхамъ нашимъ нынѣ на насъ возставшихъ...

Всѣ, говоритъ далѣ Паисій, одобрили Его слова, особенно патріархи. Послѣ того велѣли предложить основанія царской власти у іудеевъ по св. Писанію. Читаны были изъ 1 книги царствъ 8, 4—22 ¹⁾. Газскій послѣ того всталъ и сказалъ: „я

¹⁾ И собращася мужи израилевы, и придоша къ Самуилу во Армафемъ и рѣша ему: се ты состарѣлся еси, сынове же твои не ходятъ по пути твоему; и нынѣ постави надъ нами царя, да судитъ ны. якоже и прочіи языки И бысть лукавъ глаголъ предъ очима Самуиловима, яко рѣша: даждь намъ царя, да судитъ ны. И помолися Самуиль ко Господу. и рече Господь Самуилу: послушай гласъ людей, якоже глаголють къ тебѣ, яко не тебе уничтожища, но мене уничтожища, еже не царствовати ми надъ ними. И нынѣ послушай гласа ихъ: обаче засвидѣтельствуя засвидѣтельствуеша имъ, и возвѣстиши имъ правду цареву, пже царствовати будетъ надъ ними И рече Самуиль вся словеса Господня къ людямъ просящимъ отъ него царя и глагола имъ: сіе будетъ оправданіе цареву. пже царствовати имать надъ вами: сыны ваша возьметъ и поставитъ колесничники своя, и на кони всадитъ ихъ, и предтекущихъ предъ колесницами его; и поставитъ и себѣ сотники и тысящники и жателми жатвы своя, и обимуть обиманіемъ огроздія его, и творити орудія воинская его, и орудія колесницъ его. И дщери ваша возьметъ въ муроварницы, и въ поварницы, и въ хлѣбницы. И села ваша, и винограды ваша и ма-

хочу быть истолкователемъ прочитаннаго, хочу изъяснить „оправданія“ единодержавной власти. И во-первыхъ замѣчаю, что царь не подлежитъ законамъ“. Доказательства для этого берутся Паисіемъ изъ Діона Кассія и изъ какого-то пифагорейскаго философа. Затѣмъ онъ указываетъ на дозволеніе Синедріона имѣть царю до 18 женъ и на то, что Соломонъ имѣлъ ихъ еще болѣе. „Теперь я понимаю, говоритъ онъ, почему цари народовъ не хотѣли часто показываться подданнымъ,—полагаю, по высочеству сана, какъ ассирійскій царь Артаксерксъ не только не хотѣлъ показываться, но и законъ немилостивый установилъ—подвергать смерти, казнить незванно вошедшаго къ нему“... Ссылается наконецъ на 105-ю Юстиніанову новеллу, гдѣ сказано: Царь царей Богъ подчинилъ царямъ самые законы, давъ въ царѣ одушевленный законъ людямъ, живущимъ подъ луною.

Читано было изъ второй книги Ездры 4, 1—12 ¹⁾. Предъ

сличны ваша благія возьметъ и дастъ рабамъ своимъ и съмена ваши и виноградъ вашъ и одесѣтствуетъ, и дастъ рабамъ своимъ. И рабы ваша, и рабыни ваша, и стада ваша благая, и осы ваша огничегъ одесѣтствуетъ на дѣла своя. И пажити ваша одесѣтствуетъ, и вы будете ему рабы. И возопіетъ въ день онъ отъ лица царя вашего, его же избрете себѣ и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрете себѣ царя. И не восхотѣша люди послушати Самуила, и рѣша ему: ни, но царь да будетъ надъ нами, и будемъ мы якоже и вси чловѣцы и судити имать насъ царь нашъ, и и видѣть предъ нами, и побореть побореніемъ насъ. И слыша Самуилъ вся глаголы людей, и глагола я въ уши Господу. И рече Господь къ Самуилу: послушай гласа ихъ и постави имъ царя. И рече Самуилъ къ мужемъ Израилевымъ. да идегъ кійждо васъ въ свой градъ.

¹⁾ И нача второй глаголати, рѣкій о крѣпости царстѣй: о мужіе! не премогають ли чловѣцы, землю и море обдержаша и вся, яже въ нихъ; царь же премагаеть и господствуетъ всѣми и владычествуетъ ими, и все, еже речеть имъ творять. Аще речеть имъ творити брань ко другъ другу, творять; и аще посетъ ихъ на супостаты, и идутъ и пестривать горы и стѣны и столпы; убиваютъ и убиваемы бывають, и царева словесе не пресгупаютъ: аще же побѣдитъ, царю приносятъ вся, и елика аще пленять, и вна вся. И елщы не воуютъ, ниже олотчуются. но дѣлають земли, паки, егда съють, зажигающе приносятъ цареви, и единъ другаго поуждающе, приносягъ дань царю. И той самъ единъ есмь: аще речеть опустити, опускають; речеть порази, порають; речеть разорите, разорять; речеть созидати, созидаютъ; речеть посѣцати, посѣкають; речеть насадити, насаждаютъ. И вси людіе его, и силы его слышаютъ единаго и къ симъ той владежить, деть, и цѣть, и спитъ: тѣмъ

началомъ сего чтенія Паисій замѣчаетъ, что приводятся слова изъ апокрифической книги, которой нѣтъ нынѣ на греческомъ (но въ дѣйствительности она есть на греческомъ, и считается первою Ездры); а по прочтеніи предложилъ свои замѣчанія о всевластныхъ распоряженіяхъ царей, указавъ изъ языческой исторіи на примѣръ Дарія персидскаго и изъ церковной исторіи на примѣръ Евдоксіи въ отношеніи къ Златоустому. Въ концѣ говоритъ: соборъ разошелся по нѣкоторымъ тайнымъ причинамъ, о которыхъ скажемъ сей-часъ ниже.

Н. Кантеревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

же стрегутъ окрестъ его, и не могутъ отъйти кійждо. творити дѣль своихъ, ниже преслушаютъ его О мужіе! како не превозмогаегь царь, его же тако слушаютъ; и умолча.